Александр КОВАЛЕВ (г.Ульяновск)

Горный мак

Горный мак цветет в апреле

Черным бархатным крестом,

Еле-еле душа в теле —

Крест на красном, на святом.

Кушкаи-гора ночлегом

Подарила нам приют,

Пятна крови теплым брегом

Тут и там в камнях цветут.

Осыпь склонов вяжут корни

Сосен крымских ствол к стволу,

Камнепад притих покорно,

Лишь прибой гремит волну.

Гальку мелкую бросает,

А большую — в перекат...

Здесь меня огонь спасает

Ровный, алый как закат.

Лепестков четыре дольки

На шнурочке-стебельке,

В центре этой колыбельки

Перст-кувшинчик налегке.

Дождь кровинки все обронит,

И созреет летом мак…

Севастополь рядом помнит

Кровь от яростных атак.

Счастье

Бирюзовый свет в неприступность скал,

А внизу, в распадке, догорает лето.

Старый Крым, привет! Я тебя так ждал…

Для меня загадка мирозданье это.

Древний можжевел, крепкий аксакал

По крутым холмам в скальную породу.

Где же тот предел, что тебя взласкал?

Удержусь ли сам? В неба синь иль в воду?

Крымская сосна на приволье круч,

Каменную твердь раздирает корнем.

Здесь растет она, влагу пьет из туч

Ствол — червлена медь, храм над морем Черным.

Галечный мятеж узкой полосой

Отбивает приступ камнепадов грозных.

Волн на брег кортеж, пенный след косой…

Камня шлиф — монисты…Я топчу их праздно.

В этой высоте, в слезной глубине

Половинюсь сам, растворяюсь тихо…

В вечной красоте, как клинок в спине

Крик мой остается — вам зарок от лиха.

Запах осени

Сердце рвет на части запах лебеды

В клочья жизни счастье от большой беды.

На пороге осень, — августа три дня,

Выцветшая просинь сторожит меня.

Пыль под Кандагаром, глинобитный Хост…

Жжет Чечня пожаром, снова взорван мост.

Постучалась в двери — к осени беда

Поспевает, зреет в поле лебеда.

Жизни молодые, чтобы жить другим…

Кошельки тугие! В рай войдешь нагим.

По горячим точкам душ приют — посты…

Лютики-цветочки, да в шипах кусты.

Ветер у оградки треплет лебеду.

Я теперь на Святки выберусь, приду.

… Добирает лето день последний свой…

Тихим ровным светом боль мою укрой.

Тот же самый номер почты полевой,

Только сын вот помер, а отец живой…

Сторожит оградку в гроздьях лебеда

И одна большая на весь свет беда.

Конвой PQ-17

Проводили дома, провожали в порту,

Долго чайки кружились, в прощании плача,

И не знал ведь никто, что на левом борту

Свою роспись поставит удача.

За кормой пенный след от простуженных волн,

А по палубе в брызгах гуляющий ветер.

Упирается винт, тянет лямку, как вол,

И бежит в бурунах распрекраснейший «сеттер».

«Что за странный приказ вдруг: «Всем веером стать…»

В боевом охранении, кажется, смута!»

«Поворачивать вспять, чтобы «Тирпиц» достать!?

Или «Тирпиц» споет «Аллилуйя» кому-то?»

Был расстрелян конвой, методично — «под ноль»,

Торпедирован просто с издевкой — «на выбор».

Тот в Архангельск дошел — от надстройки лишь «боль»,

Левый борт — семь пробоин. Просто мал был калибр…

Море помнит, хранит под студеной волной

Трепет тел и их душ, уносящихся в вечность.

Я так долго к вам шел, вы сегодня со мной —

Помогите понять и объять бесконечность.

Сталинград

Замерзал Сталинград от рассерженных вьюг,

Таял снег от разрывов и боли,

Но держал свой рубеж батальон в триста юнг

И дорогу на Юг в чистом поле.

Три лавины сошли, исковеркав снега,

Изувечив тела и машины.

Рота там полегла, не пустила врага,

Как стога горят «тигры» и шины.

«Выжигали» не раз мессера батальон,

Артналетов не счесть, мать их в душу.

Их в живых тридцать шесть, остальным — медальон,

И живые молились: «Не струшу …»

А по полудню вновь и в который-то раз,

Растекаясь по талому снегу,

Семь машин, семь ребят успокоились враз,

Семерых не собрать на телегу.

Разнесет похоронки седой почтальон,

Что погибли и каждый достоин.

Оборону сдержал человек-батальон,

Доказавший — один в поле воин.

… Заметал Сталинград снег от плачущих вьюг,

Таял влет от распластанной боли,

Отстоял свой рубеж батальон в триста юнг,

Им дорогою в Рай стало поле.

Прасковьина заводь

Шуршит листва роскошно под ногами,

Там бересклет малиновым горит,

Орел канючит, высоко кругами,

Ручей студеностью струит.

Разрушена бобровая плотина,

Ушли бобры, оставив свой обед,

Осины кряж в воде полощет тина,

По низу склона — пять стволов в корсет.

Вот здесь подпил, - учились молодые.

А этот срез! Тут мастер наставлял.

Им в ловкость, когда сыт, и горе, коль худые,

Тут самый толстый бобр всем заправлял.

Приплод, привес и высота плотины,

Приход, расход — а что — на черный день,

Чтоб хатки ходом не вспороли льдины

Иль волк зимой, разрыв трухлявый пень.

... Бобры исчезли вовсе с Подмосковья?!

Ты этот круг порочный разорви,

И именем простым Руси Прасковья

Хоть где-нибудь хоть что-то назови.

Ты именем простым Руси Прасковья

Девчонок или заводь назови.

Меднолистая вертикаль

Разделяет полоска зеркальная

Тишиною укутанный лес,

Свет вода отражает хрустальная,

Голубой свет Карельских небес.

Сосны ствольные тянутся истово —

Вертикаль к небесам вертикаль…

Совершенство ствола меднолистого

Обнимаю, целую. Как жаль!

Я прощаюсь с Карелией звонкою…

Как же трудно расстаться на час!

Я привязан к тебе нитью тонкою,

Мне тебя не хватает сейчас.

Чумацкий шлях

Чумакам дорога дальняя,

Гасит звезды стыл-рассвет.

Догорает свечка сальная,

С ней душа — не мил мне свет.

Песня в скрип течет печальная.

Даль. За выгоном село,

Ночью складочка прощальная

Прочертила мне чело.

Отдадут ль паны, коль свидимся?

Помолюсь, чтоб довелось.

В сольный Крым, там у провидицы —

Путь по звездам, чтоб сошлось.

… Шлях Чумацкий — звезды Млечности,

Ты, любимая, прости…

Не узнать нам, где у Вечности

Два сливаются пути.

Чумакам дорога дальняя,

Гасит звезды стыл-рассвет.

Плачь, душа…Ты, свечка сальная,

Догорай… Меня уж нет.

Плачь, душа. Ты, свечка сальная,

Догоришь, меня уж нет.

Шмель полевой

Нет, услышать его невозможно,

А увидеть? Так только весной.

Прикасаясь к цветкам осторожно,

Словно в прятки играет со мной.

Он кружится над войлочной вишней,

Хоботком протыкая цветки,

Без задержки, без паузы лишней

И маневры изящны, легки.

Никогда не учился он ползать

(Зависает, чтоб выпить нектар).

От него семикратная польза

И ему с ранних вишен «навар».

Каплевидная форма для тела

Серой мышкой шныряет в кустах.

Утонченность шмеля прямо душу задела,

Мне улыбку распяв на устах.